

Чу Синхуань, опустив голову и любуясь цветком в руках, тихо приоткрыл дверь своей комнаты.

Он совершенно забыл о том, что внутри кто-то может находиться, и осознал это лишь тогда, когда наткнулся головой на нечто, напоминающее живую стену.

Сяо Хунцзин, казалось, все это время не менял позы, что немало позабавило Чу Синхуаня.

— О? Господин Сяо, почему вы все еще в моей комнате?

— Ты... ты ведь сказал... — он замялся, не договорив, — что это не важно.

— Оставим это. Почему тебя так долго не было? — Сяо Хунцзин пристально уставился на цветок в руках Чу Синхуаня, чей ярко-алый цвет буквально резал ему глаза.

— Я вернулся сразу, как только тот гость уснул.

Чу Синхуань нашел вазу, осторожно поставил туда цветок и с довольным видом кивнул.

— Ты был с ним! Он прикасался к тебе?

Стоило Сяо Хунцзину представить, что кто-то другой касался Чу Синхуаня, как в нем проснулась жажда крови. В глазах проступили красные прожилки, на руках вздулись вены — он стал похож на разъяренного зверя.

— Отпусти, ты делаешь мне больно, — Чу Синхуань нахмурился и попытался высвободить запястье из крепкой хватки.

— Прости, я не сдержался.

Сяо Хунцзин поспешно разжал пальцы, которыми в порыве чувств сжал его руку. На запястье уже проступил красно-синий след.

Никто не знал, что в глубине души он с пугающей мрачностью подумал: как красиво.

— Господин Сяо, вы слишком вмешиваетесь в чужие дела. Вряд ли мне нужно отчитываться перед вами о том, что происходит между мной и другими людьми.

— Но я... ты... ты ведь уже принадлежишь мне! — Сяо Хунцзин внезапно почувствовал себя уязвленным и выпалил то, что было на сердце.

— О? Господин Сяо, неужели вы забыли? Во-первых, вы не выкупили мой контракт, а во-вторых, вы сами же мне отказали. С чего бы мне теперь принадлежать вам? К тому же, я никогда никому не принадлежал.

Чу Синхуань произнес эти слова с ледяным спокойствием, окончательно разрушив последние иллюзии Сяо Хунцзина.

— Ты винишь меня? — спросил Сяо Хунцзин.

— Господин Сяо, вы шутите. Я никого никогда не винил.

В конце концов, что толку винить других? Если и винить, то только самого себя за то, что не властен над собственной судьбой.

Сяо Хунцзин заговорил в отчаянии:

— Я знаю! Ты точно винишь меня. Если хочешь, я прямо сейчас пойду и выкуплю твой контракт. С этого момента ты станешь свободным, волен лететь куда пожелаешь, и в будущем сам решишь, остаться или уйти.

— Оставьте это. Куда мне теперь идти? Я никуда не могу деться. Лучше вернитесь, когда по-настоящему разберетесь в своих чувствах.

Чу Синхуань, изнуренный, подошел к кушетке и принялся молча раздеваться.

— Господин Сяо еще не ушел? Хотите остаться и посмотреть, как я сплю?

Сяо Хунцзин сжал кулаки, в его глазах мелькнуло смятение. Он стоял там, словно запертый зверь, подавляя внутреннее сопротивление. Наконец, он поплелся прочь, волоча ноги.

— Хозяин, Хозяин, зачем ты отказался? — раздался в голове голос 006. — Если бы он выкупил тебя, вы бы жили под одной крышей, чувства бы со временем окрепли, и мы бы быстро завершили задание! — вопрошал 006, озадаченно сидя на плече Чу Синхуаня.

— Люлю, ты знаешь, почему его показатель сердечного ритма так долго не растет?

— И правда, почему? По идее, при такой динамике он уже давно должен был зашкаливать.

— Потому что он еще не понял. Он еще не осознал реальность до конца.

— ? Я не понимаю.

— Тебе и не нужно понимать. Просто будь беззаботным шариком.

Чу Синхуань лег на кровать и улыбнулся 006.

Он подумал, что винить стоит лишь себя — за то, что слишком легко влюбляется в тех, кто проявляет к нему доброту. Но, к сожалению, эта доброта не была предназначена только ему. Если Сяо Хунцзин добр ко всем, значит, в конечном счете, он не добр ни к кому.

Засыпая, Чу Синхуань успел подумать: сколько же тебе еще нужно времени?

С тех пор как в Великой империи Чу появились кварталы красных фонарей, основными посетителями там были знатные вельможи, принцы и богатые купцы. Эти утонченные, на первый взгляд, аристократы на деле оказывались лишь облаченными в роскошь зверьми. Они пировали на костях женщин, которых сами же и погубили, а потом заявляли, что те сами выбрали такой путь.

Их тела и разум были доведены до совершенства, но их жизненные цели были безжалостно отняты. Мужчины держали в руках их жизни и средства к существованию, вынуждая покоряться обстоятельствам. Достоинство и личность этих женщин казались ничтожными перед лицом власти, и их жизнь, казалось, была лишь способом развлечения для сильных мира сего.

Но эти люди не видели, что мир запрещает женщинам учиться, не дает им земли или домов, запирает их в глубине покоев, внушая, что муж — это закон, и всю жизнь нужно жить, заглядывая мужчинам в рот. Они притворялись, что не знают об этом, утверждая, что двери борделей женщины открыли сами, а контракты на продажу подписали из жадности до нескольких медяков.

Смотрите, говорили они, они сами выбрали свою низкую долю.

Они никогда не видели света, даже не знали, что он существует. Это было похоже на солнце, светящее слепому: он не видит светила, но чувствует тепло. Они были такими же людьми — не зная, где искать свет, они кожей ощущали холод, пронизывающий их существование. Они хотели отогнать этот холод, и оттого в их душах поселялась скорбь.

Рожденные родителями, они не имели надежд, желая лишь быть сытыми и одетыми. Но не было ни еды, ни тепла. Приходилось терпеть то, что посылала судьба, хотя та самая судьба, которой они ждали, так и не приходила к ним за всю жизнь.

Поэтому Чу Синхуань хотел, чтобы он увидел эту реальность. Увидел их трудности, их боль и их борьбу. Он не хотел, чтобы его просто купили, как вещь. Не хотел, чтобы Сяо Хунцзин был добр к нему из жалости или чувства долга. Он не хотел, чтобы ответственность путали с любовью, когда тот еще ничего не понял. И уж точно не хотел, чтобы его спасли от одной клетки лишь для того, чтобы заточить в другую.

Он хотел, чтобы он выстроил для него широкое небо свободы в этом феодальном государстве.

Он хотел, чтобы он, зная, что впереди огненная яма, без колебаний прыгнул в нее.

Он хотел, чтобы в момент зарождения чувств любовь к нему стала для него такой же естественной, как дыхание.

Он хотел, чтобы он отказался от всего ради чистой любви.

Он хотел всей его любви, абсолютной и безраздельной.

На неполную, нечистую или мимолетную привязанность он даже не взглянул бы.

Так сколько же еще времени ему нужно на раздумья?

006 все еще старательно отрабатывало у кровати новые движения, не заметив, как нахмурились брови Чу Синхуаня во сне.

В ночи павильон Цуйчжу по-прежнему сиял огнями, звучала музыка, танцевали красавицы, и в воздухе разливался дурман разврата.

Сяо Хунцзин сидел в углу главного зала, и вино в его кубке было таким же горьким, как и его мысли. Время от времени он поднимал взгляд на закрытую дверь наверху, и в его глазах читалась глубокая печаль.

Он ждал. Чего именно — он и сам не знал.

Сейчас он был подобен рыску, плывущей в океане борьбы, не в силах справиться с собой.

Чем развеять печаль? Только вином.

Кубок за кубком холодное вино текло внутрь, и он окончательно стал пленником снов — там он был счастлив и беззаботен, но, просыпаясь, снова погружался в оцепенение и смятение.

От чувств не убежать, их не забыть.

Поэтому он мог лишь обманывать себя, очертив круг и заперев себя внутри, как шелкопряд в коконе.

Никто не спасет его, никто не сможет.

Только он сам.

<http://bllate.org/book/21347/2167879>